

Глава 1

Комиссар у окна

Из-под темных сводов складского помещения снова показался старичок с аккуратной бородкой. Он пятился назад, попеременно смотрел то вправо, то влево и делал обеими руками такие жесты, будто пытался притянуть к себе медленно выползавший следом тяжелый грузовик.

— Чуть правее... Так... Теперь прямо... Осторожно... Левее... Разворачивай колеса...

Грузовик медленно и неуклюже перебрался через тротуар и выполз на улицу. Старичок, выскочивший на проезжую часть, знаками просил притормозить проносящиеся мимо машины. За последние полчаса это был третий грузовик, выезжавший из большого склада с вывеской «Катуар и Потю. Металлообработка». Очень знакомая вывеска, потому что Мегрэ видел ее каждый божий день.

Комиссар стоял у окна, в своей квартире на бульваре Ришар-Ленуар. На нем не было ни пиджака, ни галстука, он курил трубку, неторопливо выпуская клубы дыма, а жена за его спиной только начала застилать постель. Нет, Мегрэ не заболел, и то, что в десять часов утра буднего дня он стоял у окна и ничего не делал, было в высшей степени необычно. Комиссар рассеянно следил за пешеходами и автомобилями, за грузовиками, въезжающими в двери расположенного напротив склада и выезжающими оттуда, — и эта праздность напоминала ему детство, те давние времена, когда была жива его мама. Порой, когда Мегрэ подхватывал простуду или в школе отменяли занятия, он оставался дома и наслаждался именно тем ощущением, которое испытывал сейчас, — с любопытством изучал, «что здесь происходит в мое отсутствие».

Шел третий день откровенного безделья (второй, если считать с понедельника), а Мегрэ все не мог привыкнуть к чувству праздника в душе, к которому примешивались легкие угрызения совести. Комиссар ежедневно делал десятки маленьких открытий. Он не

только наблюдал за старичком с аккуратной бородкой, который руководил погрузкой и разгрузкой на складе... Еще он, например, считал клиентов, заходивших в расположенное рядом бистро...

Конечно, Мегрэ уже приходилось в будние дни находиться дома. Чаще всего это случалось во время болезни, и тогда он весь день проводил в постели или в кресле. Но сейчас он был здоров. Делать ему было нечего. Он мог заниматься, чем душе угодно. И комиссар наблюдал за женой, постепенно узнавая ее распорядок дня: когда она возвращается из кухни в комнату, в какой последовательности делает уборку... Мадам Мегрэ вдруг напомнила ему мать. Как она вот так же убирала в доме, пока он вот так же стоял у окна. И, совсем как мать, жена говорила ему: «Отойди в сторонку, мне нужно здесь подмести». Даже на запахи, доносящиеся из кухни, он теперь обращал особенное внимание. Сегодня это был аромат фрикандо¹ с тушеной капустой.

Как в детстве, он внимательно наблюдал за игрой света и тени, смотрел, как перемещаются в течение дня солнечные пятна на тротуаре, как дрожат в горячем летнем воздухе предметы на другой стороне улицы.

И так ему предстояло прожить еще семнадцать дней.

Длинная цепочка случайностей и совпадений понадобилась для того, чтобы комиссар Мегрэ оказался «не у дел». Все началось с полученного в мае затяжного бронхита. Как обычно, он рвался поскорее вернуться на набережную Орфевр, отчего слишком рано встал с постели и в результате получил осложнение. Опасались плеврита.

Теплые весенние денки помогли ему одолеть болезнь, но комиссар все никак не мог полностью оправиться и ходил хмурый, угрюмый, будто чувствовал себя не в своей тарелке. Ему вдруг начало казаться, что он стареет и что где-то совсем рядом его подстерегает одна из тех хронических болезней, которые намертво вцепляются в человека на закате его дней, внезапно подрывают его силы и уже не отпускают до самого конца.

Он не стал делиться своими опасениями с женой, но чрезвычайно раздражался от встревоженных взглядов, которые она украдкой на него бросала. Наконец, он отправился к своему другу, доктору

---

¹ Фрикандо (фр. *fricandeau*) — кусок телятины, нашпигованный салом, шпиком и тушеный на пару. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

Пардону, жившему на улице Пикпюс, — тому самому, к которому по давно сложившейся традиции супруги Мегрэ раз в месяц приходили в гости, на ужин.

Пардон долго его прослушивал, простукивал и для очистки совести отправил к кардиологу. Ни тот, ни другой врач ничего не нашли, разве что обратили внимание на слегка повышенное артериальное давление. Вердикт был единогласным: «Вам нужно взять отпуск».

В отпуске Мегрэ не был три года. Каждый раз, когда он собирался отдохнуть, обязательно возникало срочное расследование и отпуск откладывался. Один раз он даже успел приехать к жившей в Эльзасе свояченице, но в первый же день срочный звонок из Парижа заставил его вернуться.

— Я понял, — угрюмо проворчал Мегрэ, прощаясь с доктором Пардоном. — В этом году возьму отпуск, что бы ни случилось.

В июне была назначена дата: первое августа. Жена написала своей сестре, которая с мужем и детьми жила в Кольмаре. Они держали небольшое шале у перевала Коль-де-ла-Шлюхт, в тихом и спокойном месте. Раньше супруги Мегрэ частенько навещали туда, чтобы хорошо отдохнуть. Увы! Шарль, муж сестры, только что купил новую машину, и они всей семьей собирались в Италию.

Сколько вечеров подряд супруги Мегрэ провели в обсуждениях, где провести отпуск? Сначала возникла идея отправиться в Луару, где комиссар мог бы порыбачить. Потом — в Сабль-д'Олонн, в отель «Ле Рош Нуар», где они когда-то отлично отдохнули. Мадам Мегрэ написала туда в первую неделю июня, и ей ответили, что, к сожалению, до восемнадцатого августа все номера заняты.

Окончательное решение комиссар принял после одного случая. Однажды в середине июля его вызвали на Лионский вокзал по одному незначительному делу. Мегрэ взял полицейскую машину. На пути к вокзалу образовалась такая пробка, что дорога от набережной Орфевр заняла сорок минут. Когда комиссар наконец добрался до места, ему показалось, что он попал в самую гущу вавилонского столпотворения. По громкоговорителям объявляли, что запущены восемь дополнительных составов. В здании вокзала, на перронах — везде, сколько хватало взгляда, — толпились люди с чемоданами, сумками, рюкзаками, детьми, собаками, удочками... И все они направлялись либо в деревню, либо к морю. Огромные толпы выплескивались из города, чтобы заполнить все гостиницы, все дома

отдыха, до последнего. А ведь были еще те, кто намеревался поставить палатки на первой же попавшейся свободной полянке...

Лето выдалось жарким. Домой комиссар вернулся усталым и взмокшим до такой степени, будто это он ехал в битком набитом поезде.

— Что с тобой? — спросила мадам Мегрэ, которая после тяжелого бронхита мужа внимательно наблюдала за его состоянием.

— Да вот, не устаю задаваться вопросом: действительно ли нам нужно куда-нибудь ехать.

— Ты забыл, что тебе врач сказал?

— Не забыл.

Мегрэ с ужасом думал о переполненных отелях, домах отдыха и частных пансионатах.

— А не лучше ли нам провести отпуск в Париже?

Сначала жена решила, что он шутит.

— Сама подумай. Когда мы в последний раз просто гуляли по городу? Дай бог раз в неделю по пути с Больших бульваров в кино зайдем. А в августе Париж опустеет и будет в нашем полном распоряжении.

— И после первого же звонка из криминальной полиции ты помчишься на свою набережную, и больше я тебя не увижу!

— Обещаю, этого не случится.

— Что-то не верится.

— Мы будем гулять по улицам и кварталам, где прежде никогда не бывали. Представляешь, какое приключение? А обедать и ужинать станем в маленьких симпатичных ресторанчиках...

— Если в криминальной полиции будут знать, что ты в городе, тебе и дня не дадут отдохнуть.

— А они не будут знать. И на телефонной станции я попрошу записать меня как отсутствующего абонента.

Мегрэ загорелся этой идеей, и постепенно его энтузиазм перешел к жене. Потому телефон в столовой молчал, и к этому тоже было сложно привыкнуть. Комиссар с утра уже дважды протягивал руку к трубке, но вовремя спохватывался, что звонить нельзя. Официально его в Париже не было, потому что он отправился в Сабль-д'Олонн. В криминальной полиции он оставил соответствующий адрес, а с отелем договорился, что если на его имя будет приходиться почта, ее переправят в Париж.

В субботу вечером комиссар со всеми попрощался и покинул набережную Орфевр, оставив коллег в полной уверенности, что уехал к морю. В воскресенье вышел из дома лишь под вечер и поужинал в ресторане на площади Терн, специально забравшись подалее от дома, чтобы сменить обстановку. В понедельник утром, в половине одиннадцатого, Мегрэ прошелся до площади Республики и, пока жена дома заканчивала уборку, прочитал несколько газет на террасе почти пустого кафе. Потом супруги вместе пообедали в Ла-Виллет, поужинали дома, а затем пошли в кино.

Они еще не думали, чем займется сегодня, во вторник. Знали только, что съедят на обед фрикандо из телятины, а потом отправятся в город. Искать приключения, как и договаривались.

К этому новому ритму жизни, спокойному и размеренному, еще следовало привыкнуть. Странно было думать, что больше нет необходимости подчинять распорядок дня разным обстоятельствам, считать часы и минуты. Мегрэ не было скучно. Только немного стыдно за свою праздность. Интересно, а жена догадывалась об этом?..

— Газеты не пойдешь покупать?

Да, вот вам и первая привычка. В половине одиннадцатого утра он почти наверняка отправится прогуляться, купит несколько газет и прочтет их, скорее всего, на той же террасе того же кафе на площади Республики. Это показалось ему забавным. Стоило вырваться из одной круговерти, чтобы тут же попасть в другую.

Мегрэ оторвался от окна, надел галстук, обулся, искал шляпу.

— Раньше половины первого можешь не возвращаться, так что не торопись.

Даже для жены он стал немного другим, поскольку не был сейчас тем комиссаром Мегрэ, который по утрам спешит на набережную Орфевр. И снова вспомнилась мать, говорившая: «Иди, поиграй часок, только к обеду возвращайся». И консьержка на него косилась как-то странно, будто с осуждением. Разве такой крупный и сильный мужчина имеет право слоняться без дела?

Мимо медленно проехала поливальная машина, и Мегрэ внимательно рассмотрел, как из дырочек у днища вырываются струи воды и веером опускаются на тротуар. В здании криминальной полиции сейчас, наверное, все окна, выходящие на Сену, широко распахнуты. Половина кабинетов опустела. Люка с семьей уехал в По, вернется не раньше пятнадцатого числа. Торранс только что